

Ермакова Е.Н.

кандидат филологических наук

доцент кафедры белорусского языка

Гомельский государственный университет

имени Франциска Скорины

КОНЦЕПТЫ ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ В НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЕ МИРА

***Аннотация.** В статье рассматриваются концепты жизнь и смерть как категории, отражающие глубинные представления белорусов об устройстве окружающего мира, о месте человека в этом мире. Обозначенные концепты рассматриваются как объекты взаимодействия языка, мышления и культуры. Смерть в рассказе Я. Коласа «У старых дубах» – неизбежное событие, конец жизни каждого человека. Белорус сохраняет в сознании народные, религиозные и суеверные представления о смерти, что создает сложный смысловой комплекс как отражение национальной картины мира.*

***Ключевые слова:** концепт, жизнь, смерть, картина мира.*

***Ermakova E.N. Concepts Life and Death in the National Picture of the World.** The article discusses the concepts of life and death as a category, which reflects the deep replying of Belarusians about the organization of the surrounding world, the place of man in this world. These concepts are considered as objects of interaction of language, thinking and culture. Death in the story by Ya. Kolas «In Old Oaks» is an inevitable event, the final of the life of every person. Belarus retains folk, religious and superstitious ideas about death, which creates a complex semantic complex as an imprint of the national picture of the world.*

***Key words:** concept, life, death, picture of the world.*

Общенациональные концепты формируют языковую картину мира конкретного языкового и культурного сообщества, которая закрепляется в семантической системе языка. Концепты рождаются в

сознании человека как образы, выраженные более или менее точно. Это означает, что их можно изучать лингвистическими методами.

Картина мира – центральное понятие концепции человека, которое как идеальное образование выражается в символических формах, таких как естественный язык. Именно язык позволяет реконструировать сознание, потому что это «пространство значений, в котором живет человек» [1, с. 44].

Моделирование языковой картины мира возможно через анализ входящих в нее понятий. Можно охарактеризовать самые основные представления человека о мире посредством анализа культурно значимых понятий. Универсальные концепты, такие как *жизнь* и *смерть*, составляют основу национального и индивидуального сознания.

Результаты восприятия жизни отражаются в виде осмысленной картины мира в сознании человека, а язык выступает как часть когнитивной системы, посредством которой осуществляется «выход человека в мир». Построение когнитивной модели предполагает рассмотрение национального языка как психологического и ментального явления. Описание словаря, представляющего *жизнь* и *смерть*, происходит через понятие концепт, что представляет собой многомерное ментальное специфическое образование, которое включает понятийный, образный и ценностный компоненты и содержит весь набор знаний об объекте.

Материалом для поиска смысла в процессе познания мира для нас будет «детский» текст (программа 5-го класса средней школы) классика белорусской литературы Я. Колоса «У старых дубах».

Понятие как абстрактное образование должно быть реализовано определенными способами. В художественном тексте поле концепта создают словесные единицы.

Смерть – неотъемлемая часть жизни как человека, так и общества. Его восприятие и интерпретация в мировой культуре полифоничны, многогранны. Среди основных аспектов можно выделить следующие: временной, пространственный, экзистенциальный, когнитивный.

В качестве одного из наиболее важных мы отмечаем пространственно-временной аспект. Пространство и время

«возникают», формируются вокруг человека, они антропоцентричны. Отсюда частные разновидности пространства и времени: исторические, социальные, психологические, биологические, семиотические, культурные [2].

Начнем с топоса.

Цэлы гай старасвецкіх дубоў раскінуўся на беразе Нёмана.

Такіх дубоў цяпер рэдка дзе ўбачыш. Іх не чапіла рука людская, толькі доўгія часы палажылі свой след – пячаць глыбокай старасці. І многа ўсякіх змен часу бачылі гэтыя нямыя сведкі прошласці! Жыццё многіх людскіх пакаленняў прайшло перад імі і праходзіць, бы тыя хвалі Нёмана, што пакручастым змеем абвівае тут іх сялібу, высокі, роўны груд, а яны ўсё стаяць, спакойныя, важныя, і жывуць сваім асобным жыццём. Праходзяць дні, ідуць сваёю чарадою зімы і леты з іх халадамі і смякотамі, з іх бурамі і навальніцамі, а яны спакойныя, як чалавек, які ўсё пераведаў на свеце, усё перажыў і ўжо нічога новага не чакае ад жыцця, апроч смерці. Зваленыя ж на дол тоўстыя камлі з абсмаленымі знізу жараламі іх таварышаў напаміналі жывым аб пошнях іх долі [3, с. 330].

Так начинается рассказ «У старых дубах». Название символичное и очень информативное.

Предлог указывает на место, где разворачиваются события рассказа. Это место – роща вековых дубов.

В сознании белорусов дуб символизирует отвагу, силу, мужественность. Это некая мировая ось, вокруг которой происходит движение жизни. Сила дерева сделала дуб символом бессмертия и долголетия: *дубы старасвецкія* – такие, как были раньше и сохранились до настоящего времени; очень старые, *доўгія гады палажылі свой след* – пячаць глыбокай старасці, они *сведкі прошласці*, жизнь других *праходзіць*, а они *ўсё стаяць*.

Дуб был включен в контекст ритуальных практик нашего народа. На протяжении многих веков он служил ритуальным центром святилища. И в таком бессмертном месте разворачиваются события произведения.

Время описывает Я. Колас следующим образом:

У леце пачыналася ўжо тая ледзь значная змена, той паварот часу, калі жыццё прыроды ідзе на спад. Скошаны луг і наскладаныя

курганамі стагі, парыжэлыя ад дажджоў і сонца, ужо гаварылі аб гэтым паміранні. Буслы збіраліся ў чароды і доўга стаялі на грудях або ляніва аглядалі лагчыны. Але было прыметна, што не на пажытак пазбіраліся яны сюды, а для нейкай іншай справы. Пастаяўшы, павольна, адзін за адным, уздымаліся яны ўгару, кружыліся там, і кожны круг падымаў іх усё вышэй і вышэй. Там яны сплталіся ў адну фігуру, у адзін шырокі круг і, не махаючы крыллямі, плаўна і згодна, як па камандзе, насіліся ў неаглядным прасторы сініх нябёсаў... Асірацелыя старыя дубы ў чорных шапках бусліных гнёздаў спакойна стаялі, не варушачы ніводным лістам, і купалі ў сонцы свае адвечныя лапы [3, с. 330].

Осень – время умирания, перехода живых в состояние покоя.

В этом хронотопе двое мальчиков. Они молоды, веселы, умны. Так создается контраст месту (старое, старомодное рядом с молодым) и времени (жизнь ребят идет вверх, а природа приходит в упадок).

Понятийный компонент концепта находится в кругу различных ассоциаций. Осваивая довольно абстрактную классификацию пространственно-временных показателей, человек учится ориентироваться в окружающем мире – сначала в конкретном, реальном пространстве, а затем, перемещаясь на более высокий уровень (пространственная метафора), в духовном пространстве, которое контролирует и определяет его пребывание в этом мире [4, с. 11].

Восприятие смерти в когнитивном плане, в качестве объекта познавательной деятельности очень характерна для белорусской языковой картины мира. Белорусы не переносят смерть в периферийную зону сознания, не накладывают на нее табу.

Главных героев произведения волнуют вопросы жизни и смерти:

– *А каб табе, Базыль, казалі: «Памірай цяперака і ты пойдзеш у рай». Ці згадзіўся б ты паміраць?*

– *Не! – адказаў ён.*

– *Чаму?*

– *Мне было б там маркотна аднаму; а тут усе: бацькі, хлопцы, ты. Каб з усімі, то пайшоў бы.*

Смерть воспринимается натурально, как неизбежный ход событий:

– А як памрэ чалавек, што з ім робіцца? – як бы сябе самога спытаў Грышка.

– Што ж? Душа выходзіць. Прыйдзе смерць – і памрэш. Зяхнеш разоў два – і няма!..

Мальчики размышляют о силе и выносливости человека, о его способности побеждать.

– Як ты думаеш, Базыль: ці ёсць на свеце такі чалавек, які панёс бы гэты дуб?

Базыль акідаў вокам дуб і, крыху падумаўшы, казаў:

– А пэўна ёсць.

А есть ли возможность победить смерть, жить вечно?

– Вось каб яе перуны, гэтую смерць! Каб злавіў дзе, халеру, ды спаліў. Тады людзі жылі б і жылі.

– Калі ж бо для яе няма смерці.

– У смерці няма смерці.

...

– Што ж, брат, каб гэту смерць узяла другая смерць, дык зноў бы смерць засталася. Ніяк, брат, ад яе не выкіруешся.

...

Хлопцы сціхлі і задумаліся [3, с. 331].

Экзистенциальный аспект восприятия смерти тесно связан с тем, что обсуждалось выше. При этом акцент делается на субъекте, переживающем, переосмысливающим состояние смерти.

Детские шалости заканчиваются трагически. Базыль чуть не утонул.

Сонца гэтак жа сама пазірала на гэтую з'яву; гэтак жа сама было ціха ў прыродзе, і ўсё жыло сваім жыццём. Старыя дубы стаялі спакойна, важна, як і заўсёды [3, с. 332].

Встреча со смертью происходит на границе пространства и времени. Специфика этого состояния «в том, что каждая его точка принадлежит одновременно двум отдельным сферам, а сама она (смерть) становится посредником. Нахождение на такой границе носит характер амбивалентного состояния «присутствие-отсутствие»,

«реальное-нереальное», «чужое-свое», «двойное бытие». Эти промежуточные состояния часто возводятся в ранг отдельного состояния мира, они не допускают перехода к состояниям, которые являются точными и определенными. Это зона, позволяющая встретить вечность. Этим амбивалентным состоянием обусловлено особое эмоциональное состояние героя, а зона столкновения с вечным диктует наиболее изолированное состояние [5, с. 11].

Базыля व्यцягнулі і адратавалі, але пасля такога здарэння ён стаў ціхім і яшчэ больш задуманным.

Личная смерть не перемещает человека на периферию сознания, она близка человеку, она осознается им в процессе жизни. Парадоксальным образом жизнь и смерть объединены в одно целое, неразрывно сосуществуют, как в образе бессмертных древних дубов.

Праходзяць дні, ідуць сваёю чарадою зімы і леты з іх халадамі і спякотамі, з іх бурамі і навальніцамі, а яны спакойныя, як чалавек, які ўсё пераведаў на свеце, усё перажыў і ўжо нічога новага не чакае ад жыцця, апроч смерці. Зваленыя ж на дол тоўстыя камлі з абсмаленымі знізу жараламі іх таварышаў напаміналі жывым аб апошняй іх долі [3, с. 331].

Літэратура

1. Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М.: Индрик, 2002. 336 с.
2. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка. Известия РАН. Сер. лит. и яз. М., 1993. № 1. Т. 52. С. 3–6.
3. Колас Я. Збор твораў: у 14 т. Т. 4 : Апавяданні, 1906–1917 / рэдактар тома В. Барысенка. 1973. 341 с.
4. Цивьян Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы. Изд. 2-е, доп. Москва : URSS : КомКнига, 2005. 279 с.
5. Фарино Е. Введение в литературоведение. М.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. 639 с.